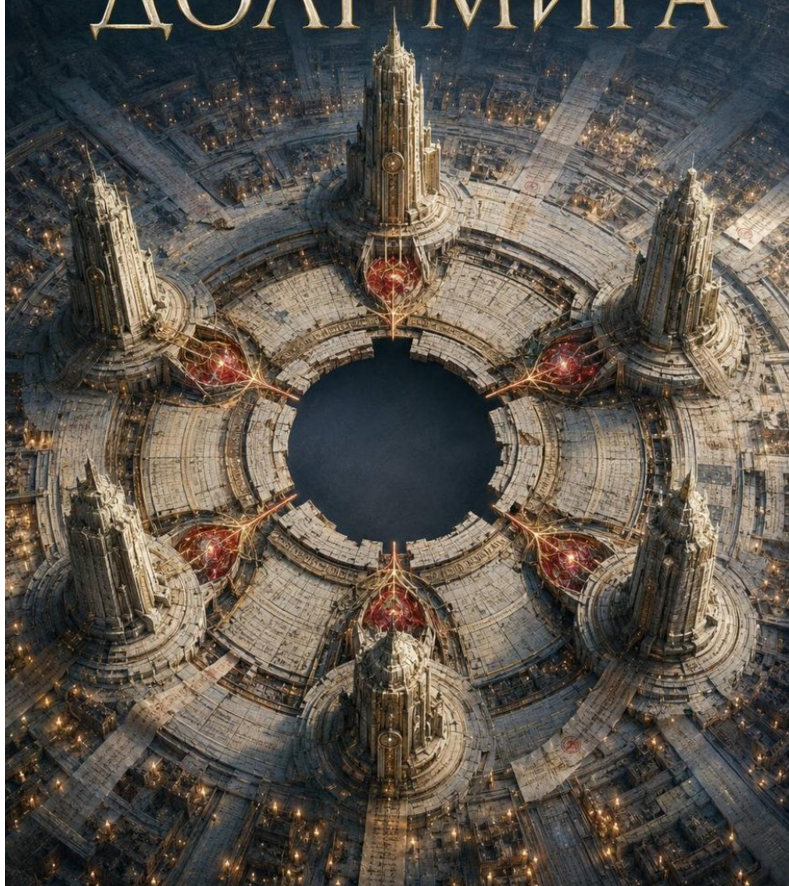

ЛЕОН ВЕЙРОН

ДОЛГ ЖИВОГО МИРА • КНИГА ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ МИРА

L Veyron

Последний долг мира

<https://litres.ru/74400179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Риалт погас. Под пятью башнями столицы пробуждаются части сердца, которое Империя восемьсот лет сжигала ради света, воды и власти. Пока город учится выживать без украденной цены, Аден Край предлагает миру безупречное единство: каждый будет чувствовать чужую боль как свою — и никто больше не сможет отказаться. Чтобы завершить долг живого мира, Иара Тенн должна сделать то, чего прежде не умела: не разрушить центр, а оставить после него порядок, которым никто не владеет.

Содержание

Пролог. Ночь, которой не было	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД, КОТОРЫЙ СЧИТАЛ СЕБЯ МИРОМ	14
Глава 1. Дорога к центру	15
Глава 2. Вода до утра	22
Глава 3. Ворота без печати	30
Глава 4. Человек без маски	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

L Veyron

Последний долг мира

ЛЕОН ВЕЙРОН

ДОЛГ ЖИВОГО МИРА

Книга третья

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ МИРА

Роман

2026

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ МИРА

Риальт погас. Под пятью башнями столицы пробуждаются части сердца, которое Империя восемьсот лет сжигала ради света, воды и власти. Пока город учится выживать без украденной цены, Аден Край предлагает миру безупречное единство: каждый будет чувствовать чужую боль как свою — и никто больше не сможет отказаться. Чтобы завершить долг живого мира, Иара Тенн должна сделать то, чего прежде не умела: не разрушить центр, а оставить после него порядок, которым никто не владеет.

© Леон Вейрон, 2026

«Общее начинается не там, где никто не может уйти. Общее начинается там, где каждый может отказаться — и всё же остаётся».

Из несостоявшейся речи первого хранителя Риальта

Пролог. Ночь, которой не было

В Риальте не существовало слова для полной темноты.

В старых словарях оно встречалось, но сопровождалось пояснениями, как названия вымерших зверей. Ночь в столице означала поздний час, закрытые лавки, редкий стук колёс и золотой свет дворцовых фонарей, лежащий на крышах ровными полосами. Даже в нижних кварталах, где улицы были так тесны, что соседи могли передавать хлеб из окна в окно, под арками горели маленькие чаши. Их пламя не грело и не коптило. Оно просто доказывало, что столица бодрствует.

Мара Эст отвечала за то, чтобы доказательство не прерывалось.

В ночь первого удара она стояла в Северной башне и проверяла давление в городском водоводе. Башня называлась Северной не потому, что стояла на севере. Она находилась почти в центре Риальта, в двух улицах от дворца. Просто один из пяти глубоких каналов уходил от неё под землёй в сторону северных провинций. Карты утверждали, что канал переносит тепло. Рабочие знали, что он переносит ещё и звук: если приложить ухо к чёрной трубе, можно было услышать далёкий гул, похожий на дыхание печи.

Последние месяцы гул слабел.

После событий на Севере начальство велело записывать это как сезонную потерю. Когда опустело Бледное море,

формулировку заменили на перераспределение нагрузки. Мара не любила слова, придуманные для того, чтобы неисправность выглядела послушной. Она заносила в личный журнал настоящие цифры.

В тот вечер давление упало на три деления.

Она закрыла обходной клапан, пересчитала удары контрольного молоточка и позвала дежурного мастера. Никто не ответил. По винтовой лестнице ещё доносились шаги, наверху звонил часовой механизм, за узким окном дрожала обычная золотая ночь. И всё же башня внезапно показалась пустой, словно город сделал вдох, а выдохнуть забыл.

Первым погас огонь в стеклянном колпаке над шкалой.

Он не уменьшился, не посинел, не отдал последнего тепла. В один миг внутри стекла было пламя, в следующий — только чёрный фитиль.

Затем погасли чаши на соседней стене.

Тьма пошла вниз по лестнице быстрее человека.

Мара схватила ручной фонарь. Его резервный кристалл должен был работать без башенной линии двенадцать минут. Кристалл вспыхнул, осветил её пальцы и тут же стал прозрачным. За окном один за другим исчезали огни. Не кварталами и не улицами. Риальт гас от центра кругами, как если бы кто-то бросил чёрный камень в озеро света.

Дворец исчез последним.

На долю секунды пять центральных башен остались стоять над тёмным городом, соединённые сияющими мостами.

Потом свет втянулся в их основания. Небо над Риальто от-
крылось.

Мара впервые увидела столько звёзд.

Это было некрасиво.

Красотой можно любоваться. Звёзды обрушились на неё множеством холодных отверстий, и за каждым не было никакой стены, никакого потолка, никакой власти, способной гарантировать, что мир не провалится наружу. На улицах начали кричать. Кто-то решил, что горит дворец. Кто-то — что северяне отравили свет. В переулке под башней заплакал ребёнок, и мать велела ему закрыть глаза.

Потом под ногами Мары ударило.

Не взрыв. Не обвал.

Один тяжёлый толчок поднялся сквозь камень, прошёл через подошвы, колени, позвоночник и остановился за грудинами. Шкала водовода качнулась. Стрелка перескочила через ноль, сделала полный круг и замерла на делении, которого на приборе не было.

Из чёрной трубы донёсся звук.

Мара слышала большие насосы, обвалы в глубоких каналах, городской гром, когда одновременно открывались тысячи кранов. Этот звук не походил ни на один механизм. В нём была неточность живого тела: короткое усилие, пауза, дрожание после удара.

Сердце.

Так решила какая-то древняя часть её разума, прежде чем

Мара успела возразить.

Второй удар пришёл через девять вдохов.

На этот раз ответила сама башня. По стенам проступили тонкие красные линии. Они сложились в рисунок, похожий на разветвлённые сосуды, и ушли вниз, туда, где по официальным планам находился только фундамент.

Дежурный мастер наконец появился на лестнице. Он нёс свечу. Обычная свеча горела, но её слабый свет не мог вытеснить тьму дальше ладони.

— Госпожа Эст, — выдохнул он. — Палата требует немедленного запуска резерва.

Мара не отвела взгляда от стены.

— Резерв уже запущен.

— Тогда почему ничего не горит?

Она положила ладонь на красную линию.

Камень был тёплым. Под ним что-то двигалось — медленно, с трудом, будто пыталось собрать себя из частей, которые слишком долго считали отдельными предметами.

— Потому что это не резерв, — сказала Мара.

В городском управлении её знали как женщину, которая не делает выводов без трёх измерений. Она считала мосты до последней заклёпки, не верила слухам и однажды остановила дворцовый праздник из-за трещины шириной в волос. Теперь у неё было только два удара, погасший город и красная линия под рукой.

Этого оказалось достаточно.

— Что тогда? — спросил мастер.

Третий удар не последовал.

Вместо него Мара почувствовала отсутствие. Не тишину, а пустое место, оставшееся после вырванной части. Оно находилось одновременно под Северной башней, под четырьмя другими основаниями и где-то далеко за стенами столицы. На миг ей показалось, что собственное сердце отвечает этой пустоте неверным ритмом.

Она убрала руку.

— Узник, — сказала Мара. — И он проснулся.

Внизу раздался звон разбитого стекла. Затем ещё один. По всему Риальту люди пытались вернуть свет привычными способами и обнаруживали, что привычные способы были только ветвями одной системы.

Мара спустилась во двор башни. У ворот уже ждали служители Палаты мер. На их белых плащах не было ни пятна, хотя улица превратилась в давящуюся толпу. Старший протянул приказ, скреплённый пятью печатями.

Текст был коротким: открыть аварийный сбор со всех жилых кварталов; изъять у каждого жителя столицы одну ночь сна; направить полученное в центральные фонари.

Под приказом стояла пустая строка для подписи главного хранителя городских систем.

Мара перечитала документ дважды.

Миллион жителей. Одна ночь сна. Миллион ночей, собранных за несколько минут. Этого хватило бы зажечь дво-

рец, водоводы и защитный купол. Возможно, хватило бы даже на неделю. В прежние годы она подписала бы приказ: неделя работы против одной беспокойной ночи казалась честной ценой.

Но теперь под городом лежало живое существо, разделённое между башнями.

И приказ требовал накормить его чужой бессонницей.

— Без света к утру встанут насосы, — сказал служитель. — К полудню верхние резервуары опустеют. В нижних районах начнётся давка у колодцев. К вечеру мы потеряем защиту стен.

Он не угрожал. Хуже: он был прав.

Мара увидела Риальт таким, каким его не показывали на праздничных гравюрах. Не золотой центр мира, а огромное зависимое тело. Вода поднималась в дома за счёт башен. Пища входила через ворота благодаря имперским дорогам. В больницах тепло держали меридианные плиты. Даже часы на площадях получали общий импульс из дворца. Восемьсот лет удобств сплели город крепче любой цепи.

Свобода от системы могла убить людей быстрее, чем сама система.

— Кто утвердил сбор? — спросила она.

— Временный совет.

— Имена.

Служитель помедлил.

— В такой час важна должность.

— В такой час особенно важно имя.

Он назвал пятерых. Мара записала их на обороте приказа, затем добавила своё имя и время получения.

— Вы подписываете? — спросил служитель.

— Я фиксирую, кто просит меня это сделать.

Четвёртый удар поднялся из земли.

На этот раз Риальт ответил не светом. По всем площадям разом заработали фонтаны. Вода взлетела чёрными столбами, повисла в воздухе и упала обратно. Из глубины донёлся скрежет, будто пять огромных частей попытались повернуться навстречу друг другу, но между ними стоял город.

Башни наклонились на едва заметную долю градуса.

Мара почувствовала это ступнями.

Служитель — нет.

— До утра, — сказала она, возвращая приказ. — Я дам вам воду до утра. Не свет. И не чужой сон.

— На каком основании?

Мара посмотрела на тёмный дворец.

Впервые он не казался выше остальных зданий.

— На основании того, что столица больше не единственная сторона договора.

Она ещё не знала, что договор был заключён восемь веков назад. Не знала имени женщины, которая шла к Риальту с белыми шрамами на руках. Не знала, что Аден Край уже покинул пустую южную камеру и несёт к столице право на один общий запуск.

Она знала только устройство города.

И поэтому первой поняла: если пять башен сойдутся, Ригальт не выдержит.

До рассвета оставалось шесть часов.

Рассвет не принёс света.

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ГОРОД, КОТОРЫЙ
СЧИТАЛ СЕБЯ МИРОМ**

Глава 1. Дорога к центру

Южная дорога тянула повозку к Риальту сама.

Тара Вен заметила это на второй день после выезда из Астэра. Она остановила лошадей на ровном участке, сняла колёса с тормоза и велела всем отойти. Повозка постояла неподвижно, затем медленно покатилась вверх по склону.

Кель поймал оглоблю прежде, чем она успела набрать скорость. Оссар подложил под колесо камень. Иара в это время смотрела не на повозку, а на белые линии у себя на ладонях. Они стали ярче и указывали в ту же сторону.

— Не дорога, — сказала Тара. — Всё направление.

После поворота Запада карты менялись ежедневно. Реки искали прежние русла, холмы становились ниже, на месте сухих впадин появлялась вода. Но к югу от Бледного моря перемены складывались в один вектор. Камни катились к столице. Подземные источники изгибались к ней. Даже ветер после полудня дул в сторону Риальта, хотя тучи двигались обратно.

Иара почувствовала первый южный удар ещё на новом берегу. С тех пор он не повторялся целиком. Вместо него по меридианам шли короткие неполные толчки. Они напоминали попытку человека пошевелить пальцами в слишком тесной перчатке.

Пять частей, подумала она. Пять башен.

Обломок чёрного ключа, подаренный Талвой, лежал во внутреннем кармане. Металл нагревался каждый раз, когда один из южных фрагментов пытался ответить остальным.

На карте Империи Риальт находился в центре. На старых земных картах центр приходился на пустую равнину в трёх днях пути к востоку. Столицу построили не там, где сходились естественные линии, а там, куда их заставили сходить-ся.

Цена такой ошибки измерялась не только болью существа под землёй. За восемьсот лет вокруг искусственного центра выросли города, дороги, семьи и ремёсла. Миллионы людей не выбирали жить на украденном сердце. Они просто родились внутри последствий.

В полдень путники встретили первую очередь.

Она начиналась у придорожной станции и уходила за холм. Повозки, ручные тележки, люди с узлами, дети, козы, клетки с птицами — всё двигалось от столицы. Навстречу, к Риальту, шёл другой поток: чиновники, солдаты, торговцы с водой, родственники тех, кто не успел выйти. Между потоками стояли дорожные мерители и пытались проверять документы.

Проверка не работала.

Государственные пластины больше не отзывались на печать Оссара. Когда он приложил её к контрольному столу, металл остался серым. Служащий станции несколько раз ударил по столу, словно тот мог заработать от стыда.

— Вчера принимал все приказы, — сказал он. — Сегодня принимает только имена.

На краю стола проступила одна строка: КТО ПРОСИТ ПРОЕЗДА?

Оссар назвал себя. Стол зажёл его имя тусклым светом.

— Должность? — спросил служащий.

— Бывший имперский следователь.

Свет не изменился.

— Цель?

— Доставить сведения в Риальт и не позволить временно-му совету открыть общий сбор.

Имя стало ярче. Шлагбаум поднялся.

Кель усмехнулся, но без радости.

— Наконец полезная бюрократия.

Стол пропустил его после слов «дорожный мастер». Тару — после «проводница». Когда перед ним встала Иара, буквы на камне исчезли. Вместо вопроса появилась белая сеть, повторяющая шрамы на её руках.

Толпа узнала её не сразу. Потом женщина в сером дорожном плаще прижала к себе мальчика и произнесла имя шёпотом. Шёпот распространился быстрее крика.

Иара Тенн.

Северная преступница. Женщина, из-за которой в столице погасли огни. Та, что отдала западный берег морю. Та, что разбудила землю.

Каждая версия содержала часть правды, удобную для

ненависти.

Мужчина с пустым ведром вышел из очереди.

— Моя дочь в Риальте, — сказал он. — В больнице. Тепловые плиты остановились ночью. Если она умрёт, земля тоже имела право отказаться?

Оссар шагнул вперёд. Иара остановила его.

У неё не было ответа, который сделал бы вопрос меньше.

— Нет, — сказала она. — У вашей дочери есть право не становиться ценой чужого освобождения.

— Тогда верните свет.

— Я попробую вернуть его без кражи.

— Попробуете?

Это слово оказалось честнее обещания и потому прозвучало жестоко.

Мужчина поднял ведро, будто собирался бросить. Потом увидел, что оно пустое, и опустил руку.

— У вас были месяцы, чтобы придумать лучше.

— У Империи было восемьсот лет, — ответила Иара. — Но сейчас это ничего не меняет.

Она сняла с пояса две фляги и отдала ему. Мужчина взял их не благодаря, а потому что дочь в больнице была важнее гордости.

Стол под ладонью Иары нагрелся. Белая сеть сложилась в новые слова:

ТЫ НЕ ПРОСИШЬ ПРОЕЗДА.

ТЕБЯ ЗОВУТ.

В глубине дороги ударило сразу пять раз. Один отклик пришёл с севера, второй — с запада. На востоке что-то шевельнулось во сне.

Люди вокруг не слышали. Но многие одновременно приложили руки к груди.

Иара убрала ладонь.

— Откройте проезд всем, — сказала она служащему.

— Стол требует имена.

— Записывайте на бумаге. Кто входит, кто выходит, кого ищут. Без разрешений.

— У меня нет такого полномочия.

Оссар положил перед ним государственную печать. В последние недели она потеряла почти всю силу, но золото всё ещё заставляло людей вспоминать привычный порядок.

— Теперь есть.

— Вы только что назвали себя бывшим следователем.

— Поэтому печать останется у вас. Пользуйтесь ею, пока люди ещё ей верят. Потом найдите основание получше.

Служащий посмотрел на печать так, словно ему предложили взять в руки кусок рушащегося здания.

— А вы?

— Я слишком долго носил основание, которого не проверял.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

За станцией дорога стала пустой. Беженцы избегали главного тракта, потому что по нему ожидали движение войск.

На полях стояли неубранные машины. Меридианные жатки остановились среди колосьев, зато рядом работали люди с серпами. Они двигались медленнее, ругались больше и не зависели от столичного импульса.

К вечеру Тара нашла место для привала у старого каменного моста. Вода под ним текла к северу, а тень — к югу. Иара долго смотрела, как расходятся два направления.

Кель чинил у костра ручной насос. После Астэра он носил на запястье тонкий медный браслет, собранный из обрезков западной машины. Браслет не имел магии. В этом и заключалась его ценность.

— Ты снова считаешь, сколько людей погибнет при каждом решении, — сказал он, не поднимая головы.

Иара не спросила, откуда он знает.

— В Риальте больше миллиона жителей. Если просто вынуть части сердца, остановятся вода, тепло, ворота, больницы. Если оставить — оно умрёт.

— Значит, «просто» не подходит.

— Иногда нет сложного решения. Есть только длинная форма катастрофы.

Кель вставил в насос новую прокладку и качнул рычаг. Из носика пошла мутная вода.

— Тогда будем делать её достаточно длинной, чтобы люди успели построить выходы.

Он говорил о трубах, мостах и запасах. Но Иара слышала больше. В первых двух путешествиях она искала момент,

когда сможет разом остановить несправедливость. Север показал цену отказа. Запад — цену перемены. Риальт требовал иного: не красивого поступка, а устройства, которое продолжит работать после него.

Ночью ей приснился город под землёй.

Пять башен стояли вокруг пустой площади. В каждой билось отдельное сердце. Они не пытались соединиться. Они пытались вспомнить, что когда-то были одним.

Между ними ходил человек без маски и натягивал белые нити.

Аден Край не приказывал. Он связывал боль так, чтобы каждый чувствовал её одновременно.

Когда Иара проснулась, обломок ключа обжигал грудь.

На его чёрной поверхности появилась надпись:

ДО ОБЩЕГО ЗАПУСКА — ШЕСТЬ ДНЕЙ.

Глава 2. Вода до утра

Мара дала Риальту воду не до утра, а до следующего вечера.

Она отключила дворцовые сады, фонтаны, купальни чиновников и три декоративных канала, которыми столица особенно гордилась. Освободившееся давление направила в больницы и нижние кварталы. Приказ пришлось выполнять вручную: рабочие спускались в колодцы, поворачивали закрывавшие вентили и ставили деревянные заглушки в трубы, которые восемь поколений считались вечными.

В городе впервые слышали собственную воду.

Без постоянного гула башен она стучала в стены, хрипела в старых коленях, падала по шахтам. Люди прислушивались к этим звукам и понимали, насколько близко под комнатами проходит общая жизнь.

Временный совет прислал второй приказ. Потом третий. Мара складывала их на стол, указывала время получения и продолжала работу.

К полудню во двор Северной башни прибыл советник Латт Гарн.

Он был одним из пятерых, чьи имена стояли за приказом о сборе сна. Раньше Мара встречала его только на годовых проверках. Гарн умел за двадцать минут произнести речь, после которой любая задержка выглядела предатель-

ством. Теперь он пришёл без свиты и шёл осторожно, потому что неосвещённые ступени уравнивали советников с остальными людьми.

— Вы удерживаете город на деревянных заглушках, — сказал он вместо приветствия.

— На деревянных заглушках город продержится двое суток. На приказах — меньше.

Гарн разложил на столе карту. Пять центральных башен были отмечены золотыми кругами: Северная, Западная, Восточная, Южная и Дворцовая. Между ними шли красные линии. За ночь линии изменились. Раньше каждая тянулась от дворца наружу. Теперь они сгибались друг к другу.

— Если основания продолжат движение, — сказал советник, — через пять дней башни наклонятся на два градуса. На шестой соединительные мосты обрушатся. На седьмой начнётся разрушение внутренних районов.

— Откуда у вас такой точный расчёт?

— Палата мер всё ещё умеет считать.

— Тогда почему она восемьсот лет не считала, что находится под фундаментами?

Гарн выдержал паузу.

— Потому что доступ к исходным планам имели только регент и Первый Счётчик.

— Регент теперь в Астере под судом. Первый Счётчик идёт сюда.

— Поэтому мы не можем ждать Иара Тенн.

Мара знала это имя. За сутки оно появилось на каждой стене. В верхних кварталах писали: УБИЙЦА СВЕТА. В нижних: ВЕРНИ ЦЕНУ ТЕМ, КТО ЕЁ БРАЛ. На одной мастерской кто-то вывел: НЕ ДАЙТЕ ЕЙ ОСВОБОДИТЬ НАС ДО СМЕРТИ.

Последняя надпись казалась Маре самой разумной.

— Я и не предлагаю ждать, — сказала она. — Я предлагаю перестраивать.

Она показала четыре схемы. Отдельные паровые насосы для больниц. Ветровые подъёмники на холмах. Ручные станции в каждом районе. Перенос запасов из дворцовых резервуаров. Работа требовала людей, металла и права ломать городские стены там, где проходили скрытые трубы.

Гарн просмотрел расчёты.

— Три месяца.

— Если работать по правилам. Три недели, если город перестанет притворяться, что правила всё ещё существуют.

— У нас шесть дней.

— Поэтому начинайте сегодня.

Советник подошёл к окну. Днём отсутствие фонарей почти не замечалось. Но улицы были заполнены людьми, которые искали воду, работу, родственников и виноватых. На площади у дворца росла очередь к общественным колодцам. Солдаты охраняли пустые трубы.

— Вы инженер, госпожа Эст. Вам удобно думать, что всякая задача решается дополнительным насосом.

— А вам удобно думать, что всякий насос работает от приказа.

— Я думаю о миллионе людей.

— Я тоже. Поэтому хочу знать, кому именно вы собираетесь отдать их сон.

Гарн повернулся.

— Городу.

— Город не умеет получать. Получают механизмы и те, кто ими управляет.

— Без общего принуждения районы начнут спасать себя. Верхние перекроют воду нижним. Склады спрячут запасы. Частные стражи займут мосты. Вы получите свободу сильного забирать у слабого открыто, вместо того чтобы государство распределяло цену по расчёту.

Это было не оправдание Империи. Это была её лучшая защита.

Мара не смогла отмахнуться.

Внизу как раз началась драка у цистерны. Четверо мужчин попытались наполнить бочки без очереди. Рабочие башни оттеснили их, но завтра у рабочих могли закончиться силы.

— Тогда нам нужен способ связывать районы без скрытой цены, — сказала она.

— За шесть дней?

— За первый день можно хотя бы перестать тратить время на возвращение прошлого.

Гарн свернул карту.

— Совет откроет сбор сегодня в полночь. С вашей подписью или без неё.

— Тогда зачем вы пришли?

— Потому что без вас они не знают, где находится ручной вход в центральный контур.

Мара улыбнулась впервые за сутки.

— Значит, у нас всё-таки есть время на насосы.

После ухода советника она спустилась ниже официально-го подвала.

Ключ от старой двери передавался между хранителями города без объяснений. Каждый год Мара проверяла замок и отмечала, что дверь не открывалась. Теперь металл вокруг скважины стал мягким. Ключ вошёл сам.

За дверью не было помещения.

Лестница уходила в красноватую глубину. Стены сначала оставались каменными, затем стали гладкими и тёплыми. Через каждые двадцать ступеней в них попадались металлические скобы первого имперского образца. Скобы не поддерживали проход. Они врастали в стену, как зажимы.

Мара спустилась на сто семьдесят ступеней. Воздух стал влажным. Впереди раздался неровный пульс.

На нижней площадке лежала часть сердца.

Она была больше дома, но меньше того существа, которое могла представить Мара. Тёмно-красная масса уходила под пол и стены. В неё входили тысячи труб, проводов, золотых

игл и тонких стеклянных каналов. На некоторых висели таблички с названиями городских систем: ВОДА, СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА, БОЛЬНИЦЫ, АРХИВЫ, ЗИМНИЙ ОБОГРЕВ.

Не орган встроили в Риальт.

Риальт построили как приспособление вокруг раны.

В центре площадки стоял пульт с пятью гнёздами. Четыре были пусты. В пятом лежала белая пластина с гербом первого императора.

Мара не коснулась её.

Рядом находилась книга учёта. Обложка истлела, страницы оставались сухими. Первая запись была сделана восемьсот лет назад:

«Часть первая приняла функцию снабжения. Ответ существа признан согласием».

Ниже другой рукой добавили:

«Ответ состоял из непрерывного болевого импульса».

Дополнение было зачёркнуто, но чернила проступали сквозь линию.

Мара перевернула страницу.

Вторая запись сообщала, что сопротивление прекратилось через сорок три дня. Третья — что расход человеческих чувств удалось сократить благодаря питанию живой тканью. Четвёртая — что населению запрещено знать о природе основания, поскольку благодарность городу может смениться сочувствием к источнику.

Она читала, пока буквы не начали расплываться.

В книге не было злодеев. Были хранители, советники, инженеры, лекари. Каждый решал задачу своего дня. Первый не хотел, чтобы город замёрз зимой. Второй искал способ снизить человеческую цену. Третий защищал тайну, чтобы избежать паники. За восемь веков разумные решения сложились в вещь, которую ни один разумный человек не согласился бы создать целиком.

Сердце под площадкой ударило.

По поверхности прошла волна. Одна из труб лопнула. Из неё вырвался не пар и не вода, а запах морского ветра. На миг Мара увидела белый берег и город, который двигался вместе с землёй. Западная память исчезла так же быстро, как пришла.

Другой канал раскалился. Оттуда пришёл северный мороз и ясное ощущение отказа.

Часть под Риальтом звала остальные.

Но связь не была её собственной. Кто-то пропускал зов через пульт.

Мара приблизилась. В белой пластине появилась строка:
ДО ОБЩЕГО ЗАПУСКА — ПЯТЬ ДНЕЙ, ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ.

Под ней проступило имя:
АДЕН КРАЙ.

Она вырвала пластину из гнезда.

Сердце сократилось так резко, что Мара упала. Красные линии на стенах вспыхнули. В ту же секунду наверху, в боль-

нице у северной стены, заработали все тепловые плиты.

В другом конце города остановились водоводы.

Связь не исчезла. Она просто перебросила цену.

Мара поднялась и впервые поняла, что деревянных заглушек будет недостаточно.

Нужно было не починить Риальт.

Нужно было разобрать его на решения — и каждое принять заново.

Глава 3. Ворота без печати

Риальт появился на горизонте вечером четвёртого дня.

Сначала Иара увидела башни. В прежние времена их вершины горели даже под солнцем и казались продолжением его лучей. Теперь они стояли чёрными иглами. Соединительные мосты между ними выгнулись, как натянутые струны. Дворец ещё сохранял белизну, но без золотого света выглядел старым и неожиданно небольшим.

Потом из дымки поднялись стены.

Город был слишком велик, чтобы охватить его взглядом. Он лежал на равнине пятью кольцами, каждое выше предыдущего. К внешним воротам сходились имперские тракты. По ним столетиями шли налоги, зерно, камень, солдаты, прошения и цена чудес. Теперь все дороги были забиты людьми, а ворота закрыты.

Перед Северным въездом вырос лагерь. Те, кто пытался покинуть город, застряли между внутренней решёткой и внешним рвом. Те, кто пришёл искать родных, ждали снаружи. В ровах вместо воды стояла густая тень: защитный контур ещё работал, но не пропускал даже свет.

На стене висело новое объявление:

«ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО СНАБЖЕНИЯ ВЫХОД ИЗ СТОЛИЦЫ ОГРАНИЧЕН. МЕРА ПРИНЯТА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ОБЩЕГО ПОРЯДКА».

Ниже кто-то приписал углём:

«ЧЕЙ ОБЩИЙ?»

Тара объехала лагерь и нашла старый водосброс под мостом. По её словам, проходом пользовались почтовые мастера, когда ворота закрывались во время праздников. Оссар посмотрел в щель между камнями и покачал головой.

— В столицу я много раз входил с ордером и ни разу через сточную трубу.

— Всё когда-нибудь случается впервые, — ответила Тара.

— У меня закончились первые разы.

— Тогда считайте этот повторением чужого.

Но пройти они не успели.

Внутренняя решётка поднялась на половину человеческого роста. Из города вышли рабочие с ломami, мотками верёвок и ручными фонарями. Их сопровождала женщина лет сорока пяти в тёмной куртке хранителя. Седина узкой прядью шла от виска к затылку. На поясе у неё висели складной уровень, связка ключей и топор для аварийного вскрытия труб.

Она остановилась напротив Иары.

— Мара Эст, главный хранитель городских систем.

— Иара Тенн.

— Я знаю.

Мара смотрела не на лицо, а на руки Иары. Белые шрамы светились под кожей, отвечая частям сердца.

— Вы пришли освободить основание? — спросила она.

— Я пришла узнать, чего оно хочет.

— Пока оно хочет соединиться. Если позволить — центр города сложится внутрь.

— Если не позволить?

— Через пять дней Первый Счётчик запустит общий контур. Я не знаю, что произойдёт. Судя по старым схемам, он пытается связать все живые сердца в один ритм.

Иара почувствовала, как обломок ключа нагрелся.

— Край уже в городе?

— Нет. Но его имя работает вместо него.

Мара протянула белую пластину. На ней медленно уменьшалось время.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ, ШЕСТНАДЦАТЬ ЧАСОВ.

Оссар осмотрел печать первого императора.

— Такими пластинами подписывали не приказы, а основания закона. Отменить её может только равная печать.

— У вас была государственная, — сказала Мара.

— Была.

Иара вспомнила станцию и служащего, который теперь пропускал людей по именам. Отданная печать не смогла бы остановить запуск. Но она впервые приносила пользу без владельца.

— Нам не нужна равная власть, — сказала Иара. — Нужны пять отдельных отказов.

— От кого?

— От тех, кого считают частями одного решения.

Мара нахмурилась.

— У сердца нет пяти голосов. Его разрезали.

— Поэтому мы пока не знаем, один ли голос должны услышать.

Разговор оборвал грохот.

На стене над воротами треснула каменная плита. Один из мостовых приводов дёрнулся, решётка упала. Рабочий не успел отскочить. Железо прижало ему ногу к земле.

Кель оказался рядом первым. Он подsunул под решётку короткий лом, но металл весил несколько тонн. Мара приказала открыть боковой противовес. Механизм не ответил.

Иара увидела линию цены.

Она шла от привода к Восточной башне, затем исчезала в земле. Чтобы поднять ворота, прежняя система забирала у дежурного у стены ощущение собственного веса. Человек на несколько секунд становился лёгким, а механизм получал разницу. Сейчас дежурный лежал без сознания. Контур искал замену среди толпы.

Десятки людей покачнулись.

Иара коснулась белой линии и закрыла её собой.

Цена вошла в тело. Кости налились тяжестью. Колени ударились о камень. Она не отдала вес толпы приводу — только остановила поиск.

— Ручной подъём! — крикнула Мара.

Рабочие закрепили два блока, пропустили канаты и позвали людей с обеих сторон ворот. Сначала откликнулись

немногие. Затем мужчина с пустым ведром, которого Иара встретила у станции, поставил ношу на землю и взялся за канат. За ним подошли другие.

Они поднимали решётку медленно. Без чуда. Канат рёзал ладони, блоки скрипели, люди сбивались с ритма. Кель командовал тягой. Мара лежала на животе и подкладывала камни под железо. Когда рабочего вытащили, его нога была раздроблена, но он оставался жив.

Иара разорвала контакт с линией.

Тяжесть ушла не сразу. Оссар помог ей подняться.

— Так весь город не удержать, — сказала Мара.

— Зато теперь мы знаем, что ворота можно поднять иначе.

— Сотней людей вместо одного чувства.

— Сотней людей, которые видят, что делают, и могут отпустить канат.

Мара посмотрела на окровавленные ладони тех, кто тянул.

— Возможность отпустить не делает цену маленькой.

— Нет. Она делает её своей.

Главный хранитель не согласилась. Но велела поднять решётку ещё выше и пропустить обе очереди. Люди входили и выходили одновременно, называя имена рабочим с тетрадами. Среди них не было одного общего потока, только множество отдельных причин: больница, дом, страх, долг, торговля, бегство.

Город, закрытый ради порядка, не рухнул от открытых ворот.

Он просто стал труднее считать.

Внутри пахло стоячей водой, дымом свечей и невывезенным мусором. В первые часы после темноты жители скупили всё масло. Теперь в окнах горели лучины, жир, обрывки ткани, пропитанные кухонным салом. Богатые дома выставили зеркала, чтобы делить один огонь между комнатами. Бедные разобрали декоративные ограды на топливо.

Но жизнь не остановилась. На площадях возникли ручные кухни. Мальчишки носили записки вместо замолчавших говорящих труб. Часовщики вывесили механические часы. Там, где перестали работать меридианные лифты, лестничные артели поднимали грузы по ступеням.

Риальт терял совершенство и обнаруживал людей, которых прежде не замечал.

Мара повела их в Северную башню. По пути она перечисляла системы так, будто знакомила врачей с телом больного: вода держится сорок часов; больницы — двадцать семь; зимние хранилища пока закрыты; южные ворота потеряли защиту; дворец расходует остатки энергии, хотя утверждает обратное.

— Совет готовит сбор сна, — закончила она. — Сегодня ночью они попробуют открыть контур без меня.

— Могут? — спросил Оссар.

— Если найдут ручной вход.

— Найдут.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я бы нашёл. А Палата мер нанимала людей не глупее меня.

На площади перед башней собралась толпа. Кто-то узнал Иару. Первым полетел камень. Он ударил в стену рядом с её головой. Второй Кель поймал рукой.

Мара поднялась на ступени.

Она не просила тишины. Просто начала зачитывать состояние водоводов — район за районом, час за часом. Цифры действовали лучше призывов. Люди замолчали, потому что слышали названия собственных улиц.

— Временный совет хочет получить одну ночь сна от каждого жителя, — сказала Мара. — Этого хватит на семь дней прежней работы. Возможно, меньше. Цена будет взята со всех, включая детей и больных. Отказ не предусмотрен.

Толпа загудела. Не только от возмущения. Многие были готовы отдать ночь.

Женщина в фартуке крикнула, что неделю без света её пекарня не переживёт. Старик потребовал запустить сбор немедленно. Мать двоих детей спросила, почему её сон дороже их воды. Другой голос ответил, что после одной ночи придёт вторая.

Иара слушала.

На Севере принуждение было очевидным: у людей забирали тепло и память ради далёкой столицы. Здесь платель-

щики и получатели жили на одних улицах. Справедливость не раскладывалась на виновных и жертв. Человек мог добровольно отдать сон ради больницы, а его сосед — отказаться ради собственного больного ребёнка.

— Можно провести открытый сбор, — сказала Иара, когда голоса стихли. — От тех, кто согласится. С отдельным выходом для каждого и заранее указанным назначением.

— Сколько согласится? — спросил пекарь.

— Не знаю.

— А если недостаточно?

— Тогда город получит столько, сколько ему действительно дали.

— И часть людей останется без воды.

— Да.

Толпа снова загудела. Иара не стала прикрывать ответ надеждой. Иногда честность не убеждала. Она лишь не добавляла к будущей боли ложь.

Мара наблюдала за ней с каменным лицом.

— Вы предлагаете городу узнать предел чужой готовности помогать, — сказала она.

— И перестать называть всё за пределом этого предела долгом.

В этот момент на всех стенах Риальта проступили белые буквы.

Они появились на камне, дереве, стекле, даже на воде в ведрах:

«ПЯТЬ СЕРДЕЦ. ОДИН МИР. ОДНА БОЛЬ. ЧЕТЫРЕ
ДНЯ ДО КОНЦА РАЗДЕЛЕНИЯ».

Подписи не было.

Она не требовалась.

Аден Край вошёл в столицу.

Глава 4. Человек без маски

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.